

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩИННЫХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКЕ

П.И. Костогрызов

Павел Игоревич Костогрызов | <http://orcid.org/0000-0002-9345-3900> | pkostogryzov@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт философии и права УрО РАН (ул. Софьи Ковалевской 16, Екатеринбург, 620990, Россия)

Ключевые слова

Латинская Америка, община, общинные исследования, политическая антропология, антропология права, community studies

Аннотация

Исследование общинных институтов давно стало одной из важных областей антропологии. Большой массив литературы посвящен, в частности, латиноамериканским общинам – как сельским, включая традиционные общины коренных народов, так и возникающим в урбанизированных и полурбанизированных зонах. В статье дается краткий обзор развития – от зарождения в 1920–1930-е годы до наших дней – латиноамериканских общинных исследований. Автор характеризует современное состояние изучения общинных институтов в регионе в зарубежной антропологии, выделяя несколько направлений в рамках латиноамериканских *community studies*. В отечественной латиноамериканистике тема общинных институтов занимает периферийное место. Советская наука имела определенные достижения в ее разработке, но методологически была ограничена догматизированной версией марксизма. В последнее десятилетие латиноамериканские общинные исследования в России несколько активизировались.

Информация о финансовой поддержке

Фонд Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), <https://doi.org/10.13039/501100001653> [проект AZ 04/KF/20]

Каждое этнографическое исследование той или иной человеческой общности предполагает изучение присущих ей форм социальной организации. Но, как правило, для антропологов социальные институты всегда остаются лишь одним из аспектов изучаемой культуры, причем не всегда приоритетным. Тип социальной организации, с которым им приходится встречаться чаще всего, – община. Однако в течение длительного времени институт общины как таковой изучался скорее историками и социологами, нежели этнографами. Обращение последних к этому предмету началось около 100 лет назад в рам-

---

Статья поступила 01.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 27.11.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Костогрызов П.И. Изучение общинных институтов в современной латиноамериканистике // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> EDN: HXMTIY

Kostogryzov, P.I. 2022. Izuchenie obshchinykh institutov v sovremennoi latinoamerikanistike [Research on Community Institutions in Contemporary Latin American Studies]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> EDN: HXMTIY

ках сформировавшейся на стыке социологии и этнографии научной программы “общинные исследования” (*community studies*).

Считается, что *community studies* возникли в США в конце 1920-х годов. Первой работой, которую обычно относят к этому направлению, стала книга Р. и Х. Линд “Миддлтаун: исследование американской культуры” (“*Middletown: A Study in American Culture*”) (R. Lynd, H. Lynd 1929). Авторы поставили целью изучить социально-экономические, культурные, религиозные, институциональные и иные аспекты жизни типичного американского города (Манси, шт. Индиана). Книга имела огромный успех, получила продолжение (R. Lynd, H. Lynd 1937) и породила целый научный жанр – *Middletown studies*. Затем появились аналогичные исследования в Британии и Ирландии, а также в колониальных странах, прежде всего в Африке. Интересно, что если этнография/антропология изначально была нацелена на изучение “чужих” обществ и лишь позднее ее методологический инструментарий стал применяться для изучения обществ, к которым принадлежали сами исследователи, то с *community studies* получилось наоборот: сначала они фокусировались на собственном социуме, а затем уже на иных обществах – традиционном объекте внимания этнографии. Это объясняется тем, что изобретателями нового научного жанра были социологи, которые ставили перед собой в первую очередь социологические вопросы. Тем не менее сразу же возникла необходимость в применении и этнографических методов, прежде всего включенного наблюдения. Таким образом, *community studies* изначально возникли как междисциплинарные многоаспектные исследования жизни локальных сообществ.

Разумеется, не каждое общинное исследование есть обязательно исследование самой общины как социального института. К. Гирц отмечал: “Место исследования не есть предмет исследования. Антропологи исследуют не деревни (племена, города, поселения...) – они исследуют в деревнях” (Гирц 2003: 30). С этим тезисом можно было бы согласиться, если бы его автор использовал “не только” или “не всегда” вместо категоричного “не” – иногда антропологи изучают в том числе и деревни, и даже города. В рамках данной статьи нас интересуют именно те работы жанра общинных исследований, объектом которых является сама община как форма социальной организации или отдельные ее органы, выполняющие определенные функции.

Учитывая, что английское *community* имеет более широкое значение, чем русское “община”, и что не всякое сообщество, способное стать предметом антропологического исследования, является общиной, очевидно, что не все, попадающее в категорию *community studies*, может быть названо по-русски “общинным исследованием” или “изучением общин”. Однако именно в латиноамериканистике сложилось мощное направление исследований общины как социального института.

Классическая традиция этнографического изучения первобытных народов Южной Америки для понимания феномена общины дает очень немного. Принадлежавшие к этой традиции исследователи, сосредотачиваясь на других проблемах, касались темы общины лишь вскользь. Так, К. Леви-Стросс, изучавший системы родства аборигенных племен Амазонии и Оринокии, делал особый акцент на специфике дуальной организации, а не на общей характеристике общественного устройства. Наибольшее внимание этому устройству уделил П. Кластр. В работе “Общество против государства” (Clastres 1974) с глубоким психологизмом подробно проанализирована внутренняя динамика отношений власти и подчинения в племенах тупи-гуарани, описан феномен “пророков”-караи, появление которых накануне встречи с западной цивилизацией свидетельствовало о назревшем кризисе, знаменовавшем начало важного сдвига в социально-политической ор-

ганизации у этих народов. Но и П. Кластр, характеризуя общины тупи-гуарани, не пошел дальше отнесения их к “экзогамным демам” по классификации Дж. Мердока (*Murdock* 1949). С подобных позиций ведутся и современные этнографические исследования коренных народов Амазонии и Оринокии, в том числе отечественные (см., напр.: *Матусовский* 2019).

Таким образом, объектами общинных исследований в Латинской Америке (как и в случае североамериканских *community studies*) с самого момента их возникновения стали не изолированные человеческие коллективы, сохранившие в относительной неприкосновенности архаические социальные институты, а общины – будь то аборигенные, метисные, креольские или афроамериканские, – в той или иной степени включенные в жизнь современных социумов соответствующих стран и поэтому ни с какой точки зрения не могущие рассматриваться как “первобытные”.

Направление латиноамериканских общинных исследований начало формироваться в Мезоамерике, и хотя у его истоков стояли в основном ученые из США, материалом для их работ послужили данные, собранные в Мексике и Гватемале. Первым образцом этого жанра в регионе считается работа Р. Редфилда “Тепостлан – мексиканская деревня” (“*Tepoztlán – A Mexican Village*”), вышедшая в 1930 г. (*Crow* 2017: 10). В 1930-е годы американский антрополог С. Такс открыл для мировой науки “систему должностей” – оригинальную структуру институтов самоуправления в общинах мезоамериканских индейцев и метисов, известную также под названиями “майордомия”, “религиозно-политическая иерархия” и др. (*Tax* 1996) Изучение этого феномена породило самостоятельное ответвление общинных исследований с собственной научной традицией, конкурирующими подходами, продолжающее интенсивно развиваться вплоть до настоящего времени (см. обзор в: *Korsbaek* 1996).

За чуть менее чем 100 лет своего развития латиноамериканские общинные исследования прошли определенную эволюцию. Перуанские этнографы К. Дегрегори, Р. Пахуэло и Ф. Феррейра выделяют четыре периода в изучении общинных институтов в Андах (*Ferreira, Isbell* 2016: 12). Хотя периодизация основана на материалах этнографии Перу и имеет отношение прежде всего к этой стране, ее можно распространить на весь макрорегион, поскольку общинные исследования в Латинской Америке в целом испытывали одни и те же интеллектуальные влияния и прошли через последовательное доминирование сменяющихся друг друга одних и тех же методологических концепций; возможны лишь небольшие различия в определении временных рамок отдельных периодов в разных странах:

– “ранние исследования” – до начала 1930-х годов. Исследовательский интерес, как это часто бывает, стимулировался политическими процессами. В это время организованное индейское движение впервые стало не эпизодическим (главным образом в форме восстаний), а постоянно действующим фактором латиноамериканской политики. Начавшиеся в ряде стран (прежде всего в Мексике и Перу) аграрные реформы предполагали юридическое признание сельских общин (в первую очередь индейских, но не только), существование которых до того просто игнорировалось государством. Когда политический истеблишмент обратил внимание на этот “новый” социальный феномен, он стал “видимым” и для образованного общества латиноамериканских стран и началось его научное познание;

– “золотой век” – 1930–1960-е годы. Активизация общинных исследований в 1930-х годах связана не только с открытиями антропологов из США в Мезоамерике, но и с возникновением в межвоенный период интеллектуального течения индихенизма (индеанизма), в рамках которого помимо культурных и

политических проблем (занимавших основное место) разрабатывались и некоторые научные, в частности, касающиеся традиционных социальных институтов, существовавших у коренного населения Латинской Америки.

В дальнейшем индихенизм в разных проявлениях играл все возрастающую роль в общественно-политической жизни региона, в том числе и в науке, и активизация общинных исследований в значительной степени была обусловлена его влиянием. Общинные исследования велись по всей Латинской Америке. Для работ, написанных в 1930–1960-х годах, была характерна высокая степень политической ангажированности. Большинство латиноамериканских авторов, обращавшихся к этой теме, принадлежало к левому политическому лагерю, поэтому, как и русские народники несколькими десятилетиями ранее, они рассматривали крестьянскую общину под углом зрения якобы заключенных в ней потенций к преодолению капитализма и переходу к социализму (*Маруатеги* 1963; и др.);

– “великая трансформация” – 1960–1980-е годы. Работы этого периода характеризуются поворотом от национал-романтизма “золотого века” к марксистскому экономизму при сохранении эссенциалистского подхода в этнографических вопросах. В то же время, учитывая, что марксизм был не насаждаемой сверху идеологией, как в СССР, а сознательным выбором (пусть часто и совершаемым под воздействием интеллектуальной моды), ученые Западного полушария были более свободны в своем поиске, не ограничивая его жестко очерченными рамками канонизированной советским обществоведением схемы развития и разложения общины. В частности, исследования 1970–1980-х годов показали, что современная сельская община в Латинской Америке – не результат непрерывного, идущего с первобытности процесса социальной эволюции, классовообразования и т.д., а зачастую продукт гораздо более поздних событий и явлений. Множество, если не большинство, существующих общин возникло в колониальный и даже постколониальный периоды;

– “тематическая диверсификация” – 1980–1990-е годы. Кризис и последующий распад мировой социалистической системы, начавшийся вслед за ними неолиберальный поворот, охвативший большинство стран Латинской Америки, повлияли и на научную мысль региона. Ослабили позиции марксизма как основы методологии, появились новые научные школы и направления.

Периодизация Дегрегори–Пахуэло–Феррейры заканчивается 1990-ми годами, но мы можем добавить, что начало XXI в. стало в целом продолжением последнего этапа: закрепились и развиваются наметившиеся тогда тенденции к диверсификации тем и подходов. В качестве внешних факторов, действующих на латиноамериканские общинные исследования, добавились кризис неолиберализма, “левый поворот” во многих государствах региона и активизация политических движений коренных народов. Повышению интереса ученых к общинным институтам в Латинской Америке способствовало и расширение юридического признания этих институтов в конституциях и законодательстве ряда стран (*Костогрызов* 2017). Поворот государственных структур лицом к общинам, законодательное закрепление общинной автономии в различных сферах, признание собственного права общин – все это стимулировало изучение коммунитарных институтов и практик, прежде всего в юридической и политической антропологии.

Благодаря развитию интернета активизировались научные коммуникации, ускорился обмен идеями, что привело к росту количества публикаций. Негативные для значительной части латиноамериканских социумов последствия неолиберальных реформ стимулировали возрождение интереса к марксизму, что позволило ему частично отвоевать утраченные в 1990-е годы позиции. В целом

же термин “диверсификация” вполне применим и к современной ситуации в латиноамериканских общинных исследованиях.

Одной из осевых тем для этого научного направления был и остается поиск дефиниции самого понятия общины и ее определяющих признаков, а также выработка типологии общин. Надо отметить, что проблема дефиниций и типологий в любой области социально-гуманитарного знания относится к разряду вечных, поэтому вряд ли стоит ожидать ее окончательного решения. Так, современные исследователи И. Гонсалес и Э. Салас поставили перед собой задачу найти “*общий знаменатель*”, позволяющий рассматривать ту или иную группу как общину” (*González de la Fuente, Salas Quintanal* 2012: 47). В качестве такового они в итоге предложили понятие “коммунальный проект” – совокупность общих целей и интересов, которые преследуют люди, живущие в определенных географических и политических границах, объединенные в общину и создающие соответствующие институты (*Ibid.* 2012: 46). Трудно назвать эту идею открытием, но, с другой стороны, нельзя с ней не согласиться.

И. Гонсалес и Э. Салас определяют общину как

социальную группу, как правило, проживающую на определенной территории и характеризующуюся в первую очередь тем, что взаимоотношения ее членов по большей части канализируются институтами, призванными генерировать, поддерживать и воспроизводить сцены взаимодействий, т.е. наборы ролей, в исполнении которых задействовано наибольшее возможное число соседей (*Ibid.*: 45–46).

Едва ли это определение удовлетворит всех, но оно импонирует тем, что подчеркивает очень важную характеристику общины: в отличие от государственной или муниципальной администрации, базирующейся на привлечении ограниченной команды профессионалов, общинные институты могут стабильно существовать и быть эффективными только при условии вовлеченности большинства членов общины в их деятельность.

Трудность с дефиницией и классификацией общины состоит еще и в том, что этот институт не остается неизменным, он постоянно трансформируется под воздействием идущих в обществе процессов, приспосабливаясь к меняющейся реальности. И. Гонсалес и Э. Салас справедливо отмечают, что в результате происходящей в регионе модернизации “некоторые общинные институты исчезают, тогда как другие, напротив, усиливаются” (*Ibid.*: 47–48). Возможно поэтому некоторые авторы вообще отказались от попыток всеобъемлющих дефиниций и пошли по пути номинальных определений, дающих возможность просто очертить рамки объекта своего исследования. Так, Ф. Феррейра во введении к коллективной монографии, подводящей итоги многих десятилетий изучения крестьянских общин в Андском регионе, оговаривает, что под общиной в данном контексте он “имеет в виду территориальные и административные единицы, формируемые деревнями с соответствующими землями и населением, расположенные в высокогорье Анд” (*Ferreira, Isbell* 2016: 4). Однако такой подход отнюдь не единственный в латиноамериканских общинных исследованиях, в целом не испытывающих недостатка в попытках теоретического осмысления изучаемых феноменов и построения их научных моделей. Предлагаются и реальные дефиниции общины, например, бразильский ученый А. Волкмер определяет ее как “социальное объединение, связанное одним географическим пространством и характеризующееся общностью интересов и собственной идентичностью” (*Wolkmer* 1991).

На рубеже 1940–1950-х годов мексиканский антрополог Ф. Камара выдвинул концепцию двух типов общин: центростремительной и центробежной. Общины первого типа, по его мнению, гомогенны, традиционны, ориентированы

на сохранение сложившегося порядка, в них преобладает коллективизм, а благо общины превалирует над интересами отдельных индивидов. Тогда как “центробежные” общины гетерогенны, слабо интегрированы, подвержены изменениям, в них приоритет отдается интересам индивидов или отдельных групп, а не общины в целом (*Cámara Barbechano* 1996: 70).

В 1950-е годы Э. Вольф на основе сравнительных исследований в Мезоамерике и на о. Ява ввел понятие “замкнутая крестьянская община-корпорация” – “относительно автономная экономическая, социальная, языковая и политико-религиозная система” (*Wolf* 1957: 11). “Корпоративность” означает, что община четко ограничивает своих членов от лиц, не входящих в нее, и гарантирует определенный набор прав и привилегий для первых, а “замкнутость” – что она стремится быть максимально независимой от “большого” общества. Согласно Э. Вольфу, этот тип общины сформировался у автохтонного населения в ответ на вызовы колонизации и служит своего рода защитным механизмом коренных культур перед лицом угроз, исходящих от чуждых социальных и экономических институтов. Э. Вольф подчеркивает отличие этих общин от креольских и метисных общин, которые строились как открытые по отношению к “большому” обществу, прежде всего за счет ориентации на национальные и международные рынки сельскохозяйственной продукции (*Ibid.*).

Р. Редфилд в работах 1960-х годов сформулировал концепцию “малой общины” как «гомогенной, самодостаточной, обеспечивающей своих членов “от колыбели до могилы” и медленно меняющейся», где “путь одного поколения повторяет путь предшествующего” (*Redfield* 1960: 4). Признавая, что такая община представляет собой лишь идеальный тип, он расположил реальные общины на длинной шкале выраженности этих качеств (*Ibid.*: 5) – от коллективов охотников-собираателей и кочевых скотоводов, которые в наибольшей степени соответствуют идеалу, до фронтальных и городских сообществ, являющихся, по его мнению, гетерогенными и несамодостаточными.

Всплеск, можно даже сказать взрыв, интереса к общинным институтам в Латинской Америке произошел на рубеже XX и XXI вв. Толчок ему дали уже упомянутые процессы конституционализации и легализации общин, начавшиеся во многих странах региона именно в 1990-х годах, а также мексиканские события, а именно неосапатистское движение в Чьяпасе, ворвавшееся не только в национальную, но и в мировую повестку в 1994 г. В последние 25–30 лет из-под пера как латиноамериканских ученых, так и их коллег из Европы, США и Канады вышло огромное количество научной литературы, посвященной исследованию общин. Как отмечалось выше, по самому своему характеру это трансдисциплинарная область, поэтому работают в ней не только антропологи, но даже работы антропологов нельзя назвать “чисто антропологическими”. Свой вклад в изучение общин вносят социологи, политологи, юристы и др., тем не менее во всех этих исследованиях неизменно присутствует антропологический компонент.

Вследствие такого многогранного мультидисциплинарного интереса к латиноамериканским общинным исследованиям в них выделилось несколько тематических направлений. Одно из них рассматривает общину прежде всего как социальную рамку, которая позволяет сохранять и реализовывать индигенность или иную культурную идентичность, отличную от общенациональной. При этом, как было оговорено выше, объектом изучения становятся не этносы-изоляты, а основная масса коренного населения, в достаточной степени вписанного в общекультурный контекст латиноамериканских социумов, но при этом сохранившего собственные языковую и культурную идентичности. Авторы, придерживающиеся данной парадигмы, подчеркивают своеобразие присущего

автохтонным культурам мировидения, его “исконность”, укорененность в духовных, социальных и хозяйственных практиках, восходящих к временам далеких предков, т.е. к доколумбовой эпохе (*Ordoñez Cifuentes* 2008; *Fernández Osco* 2009; и др.). Важным открытием ученых этого направления стало установление того факта, что общинная структура сама по себе способна не только сохранять традиционные идентичности, но и порождать новые. В частности, в работах перуанского юриста и антрополога Р. Иригойен показано, как возникновение в горных регионах Перу во второй половине 1970-х годов новой формы общинной организации – сельских патрулей (исп. *rondas campesinas*) вместо давно распавшихся старых общинных институтов помимо социальной мобилизации крестьянства повлекло за собой еще и важные изменения в самоидентификации местного населения. Если до возникновения патрулей оно определяло себя как “крестьян” или “индейцев” (исп. *campesinos* используется в обоих значениях), то на базе этой организации сформировалась “идентичность рондерос” (исп. *identidad rondera*) – особое самосознание, связанное с принадлежностью к сельским патрулям. Как любая идентичность, она предполагает противопоставление “мы – они”, которое в данном случае строится вокруг *правосудия* как *справедливости*, отправление которого является основной, хотя и далеко не единственной задачей патрулей (*Yrigoyen Fajardo* 2002: 35).

Другие авторы видят в общинных институтах преимущественно инструмент сопротивления (*Starn* 1999; *Fumerton* 2001; *Korsbaek* 2011; *Mandujano Estrada* 2014; *Lizárraga Aranibar, Vacaflores Rivero* 2014; и др.). Вообще, категория сопротивления занимает весьма значимое место в латиноамериканском дискурсе – как общественно-политическом, так и общественно-научном. Речь при этом идет о противостоянии различных групп населения или “народа” в целом как “колониальности власти” (*Quijano* 1997), так и разнообразным формам насилия, постоянно присутствующим в регионе. Особенно актуальна тема сопротивления для стран, в которых недавно завершились или продолжаются до сих пор внутренние вооруженные конфликты, таких, например, как Колумбия (*Rudqvist, Anrup* 2013; *Llano Franco et al.* 2019). Внимание колумбийских исследователей привлекают, в частности, так наз. мирные общины, провозгласившие нейтралитет в ходе внутреннего вооруженного конфликта и отказавшиеся допускать на свою территорию его участников, независимо от того, какую сторону они представляют. Классическим примером этого направления в латиноамериканских общинных исследованиях можно считать работу Э. Сандовала об индейцах наса (*Sandoval Forero* 2008). В последнее десятилетие вышло большое количество публикаций, посвященных вооруженной самообороне мексиканских общин, противостоящей наркокартелям (*Fuentes Díaz, Fini* 2018; *Gasparello* 2018; и др.). Как известно, организованная преступность в стране приобрела силу, сравнимую с силой государства, которое ведет с криминалом настоящую войну. В этих условиях многие локальные общины вынуждены вооружаться, чтобы защитить жизни и имущество своих членов от орудующих на территории страны банд.

Третье направление фокусирует исследовательский интерес на присущей общине функции социальной самоорганизации, благодаря которой локальные сообщества в латиноамериканских странах демонстрируют не только способность адаптироваться к быстро меняющимся социально-экономическим и политическим обстоятельствам, но и высокую стрессоустойчивость в условиях слабости государственных институтов (*Salvador Rios* 1983; *Palomino Flores* 1984; *Adrián Ambía* 1989; и др.). Краткая, но информационно и интеллектуально насыщенная работа С. Ковалевского (*Kowalewski* 2003) характеризует эволюцию общины в одном относительно небольшом регионе Мексики – в Оахаке, но

на длинной временной дистанции – на протяжении 3,5 тыс. лет. Такой подход позволил автору убедительно продемонстрировать, что

община никогда не была самодовлеющей, примордиальной или полностью автономной – ни в Оахаке, ни, вероятно, где-либо еще... Как и социальные образования более низкого и более высокого уровней – домохозяйства, семьи, кланы, государства, – локальные группы формируются и получают те или иные функции в соответствии с контекстом (*Kowalewski* 2003: 17).

На примере Оахаки С. Ковалевский показал, как общинные структуры возникали, укреплялись или ослабевали, приобретали и утрачивали определенные функции, распадались и возрождались – в зависимости от исторических обстоятельств.

Еще одно направление общинных исследований в Латинской Америке развивается в русле антропологии права¹. В центре его внимания такие функции общинной организации, как установление и поддержание социального порядка, урегулирование конфликтов, предотвращение противоправного поведения и т.д., а непосредственным объектом изучения являются органы общинного правосудия. Значительная часть ученых этого направления работает в концептуальных рамках теории правового плюрализма. В конце XX – начале XXI в. в большинстве стран региона начался процесс конституционализации юридического плюрализма (*Костогрызов* 2017), т.е. общинное право и институты общинной юстиции получили признание на конституционном и законодательном уровнях, что дало толчок количественному росту исследований этой темы.

За последние десятилетия вышло значительное число работ по юридической антропологии латиноамериканской общины. Особую ценность, на наш взгляд, представляет многотомное издание об общинной юстиции в Перу и Эквадоре, ставшее итогом многолетних полевых исследований большого количества ученых из нескольких стран (*Brandt, Franco* 2006, 2007; *Vintimilla Saldaña et al.* 2007; *Franco, Gonzales* 2009; *Brandt* 2013), а также двухтомник под общей редакцией Б. ди Соузы Сантуша, также собравшего сильный интернациональный авторский коллектив (*de Sousa Santos, Exeni Rodriguez* 2012; *de Sousa Santos, Grijalva* 2012). Н. Эспиноса проследил процесс формирования общинных структур, в том числе институтов общинного правосудия, в сложном и подчас трагическом взаимодействии с партизанскими формированиями ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии) в зоне относительно недавней колонизации в Колумбии (*Espinosa* 2003, 2010, 2015, 2016).

Общинное право, как и любое живое общественное явление, развивается вместе с социумом, находя новые ответы на новые вызовы. На это справедливо указывают многие ученые, работающие над проблемой общинной юстиции в латиноамериканских странах:

...коренные народы и сельские жители андских стран сохранили свои системы права и практики разрешения споров. Эти системы не “растворились” в ходе ассимиляции и интеграции индейцев в “большое” общество; напротив, они адаптировались и развивались во взаимодействии с господствующей культурой. В результате возникли новые нормы и процедуры, а также новые институты общинной юстиции – как, например, крестьянские патрули в Перу. Речь идет не об отсталости, не о каком-то атавизме или реакционном явлении, а о коллективном и демократическом действии, имеющем целью гарантировать порядок, мир и справедливость (*Brandt, Franco* 2006: x).

Разумеется, между обозначенными направлениями общинных исследований не существует непроницаемых границ. Большинство научных работ, посвященных общине в Латинской Америке, затрагивает не одну тему. Так, практически

всегда тесно переплетаются проблемы сопротивления и сохранения идентичности, поддержания правового и социального порядка и самоорганизации. Тем не менее в каждом исследовании есть главная, осевая, проблема, вокруг которой выстраивается авторский нарратив, и это позволяет отнести ту или иную публикацию к одному из выделенных нами направлений латиноамериканских общинных исследований.

Особняком в этом ряду стоят работы, посвященные сапатистскому движению в мексиканском штате Чьяпас. Хотя определенное внимание в них уделяется структуре и деятельности органов общинного самоуправления, главное место занимают все-таки иные проблемы, поэтому этот пласт исследований, на наш взгляд, должен рассматриваться отдельно, и в своем обзоре мы его не затрагиваем.

В отличие от зарубежной, отечественная наука до сих пор не уделила латиноамериканским общинным исследованиям того внимания, которого они, на наш взгляд, заслуживают. Практически единственная, вышедшая в советское время монография, посвященная латиноамериканской общине, – “Община в Перу. Очерк социально-экономического развития” И.К. Самаркиной (*Самаркина* 1974). Другие советские латиноамериканисты, если и затрагивали эту тему, то лишь “по касательной”, в связи с иными проблемами, такими, например, как положение сельских трудящихся, особенности традиционной политической культуры, индейский вопрос (*Шемякин* 2019). Книга И.К. Самаркиной содержит обширный экскурс в историю перуанской общины времен Империи инков и колониального периода, подробно характеризует социально-экономические процессы в сельском Перу первого столетия независимости страны, а основное внимание уделяет развитию общины в XX в.

При всех своих несомненных достоинствах работа И.К. Самаркиной отмечена неизбежной печатью своего времени. Представления советского обществоведения об общине были ограничены жесткими рамками догматического марксизма, в соответствии с которыми эта форма социальной организации должна была проходить строго определенные этапы развития в строго определенной последовательности, эволюционируя от раннеродовой общины охотников и собирателей через позднеархаическую общину земледельцев и скотоводов к соседской, а затем разлагаясь под воздействием процессов классового формирования. При этом любая община, обнаруживаемая где бы то ни было историками или этнографами, априори рассматривалась как существующая непрерывно со времен первобытности, и в ней исследователям следовало выявлять признаки разложения и пережитки более ранних форм.

По этому предписанному пути вынуждена была следовать и И.К. Самаркина, временами вступая в противоречия с приводимыми ею же фактами и собственными промежуточными выводами. Так, в начале книги о “разложении общинной организации” говорится как об очевидном факте, не нуждающемся в доказательстве, хотя в следующей же фразе сообщается, что “в некоторых случаях на базе общин создавались производственные кооперативы” (тут же следует оговорка – “буржуазные по своей природе”) (*Самаркина* 1974: 4). А ниже автор пишет, что “происходит существенное изменение традиционной структуры общины, ее функциональных связей, от одних функций она отказывается, другие видоизменяются, возникают новые. И все-таки община сохраняется, ее традиционная структура продолжает существовать, хотя и в новых формах” (Там же: 172). Эти формы описываются на предыдущих и последующих страницах монографии. В частности, И.К. Самаркина рассказывает не только о трансформации общин в кооперативы различных типов, но и о том, как некоторые общины становятся аналогами профсоюзов, защищающих трудовые права

своих членов, работающих на шахтах, плантациях или в публичном секторе (Там же: 167), и о возникновении в городах “клубов” общинно-земляческого типа из недавних крестьян, оказывающих выходцам из деревень разнообразную помощь в социализации (поиск работы, проведение развлекательных мероприятий, материальная и прочая поддержка) (Там же: 153). Наконец, автор пишет о том, что в XX в. число общин в Перу не уменьшалось, а наоборот, росло и что большинство общин Косты и Монтаньи (прибрежной и высокогорной частей страны) относительно недавнего происхождения – они появились после 1920 г., и связано это было с изменением государственной политики, вследствие которого крестьянам стало выгодно организовываться в общины и регистрировать их в органах власти.

При всем этом, однако, автор характеризует “значительное, возможно подавляющее число перуанских общин” как “распавшиеся” или “формальные” (Там же: 163), т.е. как “ненастоящие” общины. На чем же основан такой вывод? Дело в том, что с марксистской точки зрения “полноценной” является только такая община, которая обладает земельной собственностью (а еще лучше – проводит регулярные переделы земли между своими членами). Большинство же перуанских общин это качество давно утратило: “...практически вся пахотная земля и в большинстве случаев пастбища перешли в частную собственность. В общем владении остались леса и оросительные системы” (Там же). Это в марксизме рассматривается как несомненный признак “разложения” общины. Явным признаком ее разложения считалось и пресловутое социальное расслоение общины, т.е. выделение в ней богатых и бедных, предпринимателей и наемных работников, на котором И.К. Самаркина (как и положено историку-марксисту) делает особый акцент, трактуя его как “трансформацию традиционной структуры в классовую” (Там же: 169). Но при этом автор не игнорирует и такие особенности социального строя перуанской общины, которые подчеркивают ее своеобразие на фоне “классической” крестьянской общины в России и Европе. В частности, в монографии описана иерархическая структура “сложных” общин (состоящих из нескольких поселений с собственными органами самоуправления), для которой характерны неравноправные отношения, строящиеся по расовому принципу: деревни, населенные метисами, занимают доминирующее положение, а индейские – подчиненное (Там же: 168).

Узко-аграрный подход марксистской науки к проблеме общины приводил к тому, что из ее поля зрения практически полностью выпадали общинные институты в урбанизированной среде. Городские общины изучались только в рамках истории Древнего мира и Средних веков, в обществах Модерна община рассматривалась априори как структура крестьянского социума. Между тем именно Латинская Америка (хотя, конечно, далеко не только она) дает интереснейшие и важнейшие для понимания общественных процессов примеры функционирования коммунитарных институтов в городе.

Таким образом, советская школа исследования общины (это касается не только латиноамериканистики) была весьма продуктивна в сборе и систематизации фактической информации и зачастую приходила к интересным и научно значимым промежуточным выводам, но, подходя к необходимости делать широкие теоретические обобщения, оказывалась беспомощной и не могла сказать ничего, что уже не было бы сказано “классиками марксизма-ленинизма”. Разумеется, это не вина ее, а беда –результат не недостатка собственных идей, а существовавших ограничений свободы научного поиска.

Между тем отечественная наука имеет собственную давнюю традицию общинных исследований, свободную от марксистской догматики. В многочисленных работах² русских ученых XIX – начала XX в., принадлежавших

к разным научным школам, которые советская историография маркировала обобщающим термином “немарксистские”, показано, что община не развивается однолинейно, в соответствии с некой универсальной схемой, верной для всех времен и народов, а возникает, разрушается, возрождается, изменяется в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Разнообразие ее форм определяется потребностями и условиями жизни людей, которые ее составляют, и не может быть сведено к заранее предписанному набору вариантов. Разумеется, эти выводы сделаны на материалах России и Западной Европы, что не умаляет их теоретической значимости. Подробный обзор этих работ содержится в монографии известного индолога Л.Б. Алаева (Алаев 2016), который, опираясь на достижения дореволюционных общиноведов и данные своевременной науки об истории общины в различных регионах мира, подводит итог теоретическим поискам в общинных исследованиях и показывает несостоятельность редукционистской парадигмы, в рамках которой до сих пор продолжают мыслить многие отечественные ученые. Хотя тему общины в Латинской Америке Л.Б. Алаев так же, как и его предшественники, не затрагивает, мы считаем необходимым упомянуть его труд ввиду фундаментальности рассматриваемых в нем проблем.

В постсоветский период отечественная латиноамериканистика постепенно освобождается от марксистско-ленинского догматизма, но общинная тема остается для нее периферийной. Опубликован ряд работ, посвященных отдельным странам или сюжетам. Исследование Т.В. Гончаровой показывает (подтверждая вывод И.К. Самаркиной), что сельская община в Перу во второй половине XX в. не только не “изживалась”, но и в некоторых отношениях укрепляла свои позиции, в частности, возросло количество самих общин (Гончарова 2000: 405–410). Г.Э. Орнелас и А.Е. Солдатова в статье, посвященной социальным и этническим процессам в автохтонных общинах-пуэблос Мексики (Орнелас, Солдатова 2015), также подчеркивают усиление роли общинных институтов в социально-политической жизни этой страны во второй половине XX в., связывая его с ростом этнического самосознания индейцев. Особый интерес представляет взаимодействие этого процесса с процессом урбанизации. Как показано в статье, многим автохтонным сообществам удается успешно адаптироваться к новой реальности, трансформируясь из сельских (аграрных) общин в общины городских кварталов, не теряя при этом своей идентичности.

В моих работах последних лет (Костокрызов 2018, 2019а, 2019б и др.) исследуются институты общинного правосудия в Латинской Америке. Показано, что эти институты – отнюдь не “атавизм”, а необходимый элемент правовой системы стран региона, важный механизм поддержания правопорядка и защиты прав человека. По итогам исследования разработана научная концепция общинного права и общинного правосудия, сформулированы дефиниции этих понятий, предложена типология органов общинной юстиции в Латинской Америке.

Итак, изучение общинных институтов давно стало важным компонентом латиноамериканских исследований, прежде всего в самих странах Латинской Америки, а также в США и Западной Европе. В российской науке этот жанр получил гораздо меньшее развитие. Достигнутые результаты дают основание констатировать, что община в большинстве стран региона не только не отмирает, но продолжает играть ключевую роль в социально-политической системе, «будучи одним из важнейших механизмов социальной интеграции... выступает как фактор достижения и сохранения целостности социальной “ткани” обществ региона, причем не только на местном, но и на общецивилизационном уровне» (Шемякин 2019).

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung). Проект [AZ 04/KF/20] “Local communities as agents of governance and security in Andean countries: supporting or contesting the sovereignty of the State?”

Примечания

¹ См., напр.: *Barié* 2008; *Daza, Hurtado* 2000; *Castro-Herrera* 2016; *Castro-Herrera et al.* 2017; *Ardila Amaya, Suárez Acero* 2021; и др.

² См., напр.: *Чичерин* 1856; *Качоровский* 1906; *Кауфман* 1908; *Павлов-Сильванский* 1910; и др.

Научная литература

Алаев Л.Б. Сельская община: роман, вставленный в историю. М.: Ленанд, 2016.
Гириц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2003.

Гончарова Т.В. Коренное население Перу во второй половине XX века // История Перу с древнейших времен до конца XX в. / Отв. ред. С.А. Созина. М.: Наука, 2000. С. 403–416.

Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908.

Качоровский К.А.Р. Русская община: возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? М.: Новое товарищество, 1906.

Костогрызов П.И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 73–76.

Костогрызов П.И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М.: Юрлитинформ, 2018.

Костогрызов П.И. Общинное право // Антиномии. 2019а. Т. 19. Вып. 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.6786>

Костогрызов П.И. Общинное правосудие // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2019б. Вып. 3 (25). С. 94–103. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-94-103>

Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Иностранная литература, 1963.

Матусовский А.А. Последняя малока: трансформация социокультурной роли общинного жилища у перуанских мацэс // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 151–168. <https://doi.org/10.31857/S086954150007384-2>

Орнелас Таварес Г.Э., Солдатова А.Е. Автохтонные puzzle долины Мехико: основные подходы к антропологическому изучению // Сибирские исторические исследования. 2015. № 4. С. 47–63.

Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения: В 3 т. Т. 3, Феодализм в удельной Руси. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1910.

Самаркина И.К. Община в Перу. Очерк социально-экономического развития. М.: Наука, 1974.

Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. № 3. С. 373–396; № 4. С. 579–602.

Шемякин Я.Г. Общинная юстиция как проявление цивилизационной идентичности Латинской Америки // Латинская Америка. 2019. № 2. С. 94–106. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003715-5>

- Adrián Ambía A.* El Ayllu en el Perú actual: Con un estudio de las normas tradicionales de la comunidad campesina de Amaru, Calca, Cusco. Lima: PUKARA, 1989.
- Ardila Amaya É., Suárez Acero A.* (eds.) Arauca: una escuela de justicia comunitaria para Colombia. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2021.
- Barié C.G.* Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos // Urvio, Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana. 2008. Núm. 3. P. 110–118.
- Brandt H.-J.* (ed.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 9, Cambios en la justicia comunitaria y factores de influencia. Lima: IDL, 2013.
- Brandt H.-J., Franco R.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 1, El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú. Lima: IDL, 2006.
- Brandt H.-J., Franco R.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 2, Normas, valores y procedimientos en la justicia comunitaria: Estudio cualitativo en comunidades indígenas y campesinas de Ecuador y Perú. Lima: IDL, 2007.
- Cámara Barbechano F.* Organización religiosa y política en Mesoamérica // Introducción al sistema de cargos. Antología / Comp. L. Korsbaek. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM, 1996. P. 69–98.
- Castro-Herrera F.S.* Justicia comunitaria en el desplazamiento forzado. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2016.
- Castro-Herrera F.S., Ardila Amaya É., Jaramillo Marín J.* (eds.) Huellas y trazos de la justicia comunitaria en Colombia. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2017.
- Clastres P.* La Société contre l'État: Recherches d'anthropologie politique. Paris: Minuit, 1974.
- Crow G.* What are Community Studies? L.: Bloomsbury Academic, 2017.
- Daza A., Hurtado F.* Justicia comunitaria, entre las instituciones y las organizaciones // Pensamiento Jurídico. 2000. Núm. 12. Pt. 1, Justicia comunitaria. P. 23–42.
- de Sousa Santos B., Exeni Rodríguez J.L.* (comps.) Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Bolivia. Quito: Abya Yala, 2012.
- de Sousa Santos B., Grijalva A.* (comps.) Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Ecuador. Quito: Abya Yala, 2012.
- Espinosa N.* Entre la justicia guerrillera y la justicia campesina ¿Un nuevo modelo de justicia comunitaria? La Macarena, Meta, estudio de caso // Revista Colombiana de Sociología. 2003. Núm. 20. P. 117–145.
- Espinosa N.* El justo comunitario, las leyes y la justicia en una región con fuerte presencia del conflicto armado. Etnografía del pluralismo jurídico en la Sierra de La Macarena // Diálogos de Derecho y Política. 2010. Núm. 3. P. 1–26.
- Espinosa N.* Las prácticas comunitarias de justicia local en la Sierra de la Macarena. El pluralismo jurídico de cara a la reconstrucción del país en el post conflicto colombiano // AGO.USB Medellín-Colombia. 2015. Vol. 15. Núm. 2. P. 495–513.
- Espinosa N.* La justicia guerrillera en Colombia. Elementos de análisis para los retos de la transición política en una zona de control insurgente // Estudios Latinoamericanos, Nueva Época. 2016. Núm. 37 (1). P. 87–112.
- Fernández Osco, M.* El Ayllu y la Reconstitución del Pensamiento Aymara. PhD diss. Duke University, Durham, 2009.
- Ferreira F., Isbell B.J.* (eds.) A Return to the Village: Community Ethnographies and the Study of Andean Culture in Retrospective. L.: Institute of Latin American Studies; School of Advanced Study; University of London, 2016.
- Franco R., Gonzales M.* (eds.) Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 3, Las mujeres en la justicia comunitaria: víctimas, sujetos y actores. Lima: IDL, 2009.
- Fuentes Díaz A., Fini D.* (eds.) Defender al pueblo. Autodefensas y Policías Comunitarias en México. México: Ediciones del Lirio, 2018.

- Fumerton M.A.* Rondas Campesinas in the Peruvian Civil War: Peasant Self-Defence Organizations in Ayacucho // *Bulletin of Latin American Research*. 2001. Vol. 20. No. 4. P. 470–497. <https://doi.org/10.1111/1470-9856.00026>
- Gasparello G.* Conflicto, respuestas comunitarias a la violencia y formación de paz // *Revista de Cultura de Paz*. 2018. Vol. 2. P. 191–214.
- González de la Fuente I., Salas Quintanal H.* Community Projects in the Era of Globalization: The Case of a Local Rural Society in Mexico // *Anthropological Notebooks*. 2012. Vol. 18 (1). P. 41–64.
- Korsbaek L.* (comp.) *Introducción al sistema de cargos: Antología*. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM, 1996.
- Korsbaek L.* El capitalismo periférico, el neoliberalismo y las Instituciones de defensa de la comunidad // *Pacarina del Sur*. 2011. Núm. 7.
- Kowalewski S.A.* What is the Community? The Long View from Oaxaca, Mexico // *Social Evolution & History*. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 4–24.
- Lizárraga Aranibar P., Vacafleres Rivero C.* La descolonización del territorio: luchas y resistencias campesinas e indígenas en Bolivia // *Capitalismo: tierra y poder en América Latina (1982–2012)*. Vol. II / Ed. G. Almeyra et al. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, 2014. P. 17–64.
- Llano Franco J.V. et al.* Pos-acuerdo y territorio en las comunidades indígenas, afro y campesinas en el Norte del Cauca. Bogotá: Grupo Editorial Ibáñez, 2019.
- Lynd R., Lynd H.* *Middletown: A Study in American Culture*. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1929.
- Lynd R., Lynd H.* *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts*. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1937.
- Mandujano Estrada M.* La primavera P'urhépecha; resistencia y Buen Gobierno en Cherán K'eri // *Bajo Palabra. Revista de Filosofía II Época*. 2014. Núm. 9. P. 103–112.
- Ordoñez Cifuentes J.E.R.* Restitución de la armonía cósmica. Propuesta jurídica de los pueblos originarios de Abya Yala // *Quid Iuris*. 2008. Núm. 8. P. 56–114.
- Palomino Flores S.* El sistema de oposiciones en la comunidad de Sarhua: La complementariedad de los opuestos en la cultura andina. Lima: Pueblo Indio, 1984.
- Quijano A.* Colonialidad del poder, cultura y conocimiento en América Latina // *Anuario Mariateguiano*. 1997. Vol. IX. Núm. 9. P. 113–122.
- Redfield R.* *The Little Community*. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
- Rudqvist A., Anrup R.* Resistencia comunitaria en Colombia. Los cabildos caucanos y su guardia indígena // *Papeles Políticos*. 2013. Vol. 18. Núm. 2. P. 515–548.
- Salvador Rios G.* *Estructura y cambio de la Comunidad Campesina: La Comunidad de Huascoy*. Lima: CEDEP, 1983.
- Sandoval Forero E.A.* *La Guardia Indígena Nasa y el Arte de la Resistencia Pacífica*. Bogotá: Fundación Hemera, 2008.
- Starn O.* *Nightwatch: The Politics of Protest in the Andes*. Durham: Duke University Press, 1999.
- Tax S.* Los municipios del Altiplano mesooccidental de Guatemala // *Introducción al sistema de cargos: Antología / Comp. L. Korsbaek*. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM, 1996. P. 54–68.
- Vintimilla Saldaña J., Almeida Mariño M., Saldaña Abad R.* Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 4, Derecho indígena, conflicto y justicia comunitaria en comunidades kichwas del Ecuador. Lima: IDL, 2007.
- Wolf E.* The Closed Corporate Peasant Communities in Mesoamerica and Central Java // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1957. Vol. 13. No. 1. P. 1–18.
- Wolkmer A.* Pluralismo jurídico, movimientos sociales y prácticas alternativas // *El Otro Derecho*. 1991. Núm. 7. P. 29–46.

Yrigoyen Fajardo R. Hacia un reconocimiento pleno de las rondas campesinas y el pluralismo legal // *Alpachis*. 2002. Año 34. Núm. 59–60. Fascículo I, Justicia Comunitaria en los Andes. P. 31–81.

Research Article

Kostogryzov, P.I. Research on Community Institutions in Contemporary Latin American Studies [Izuchenie obshchinnnykh institutov v sovremennoi latinoamerikanistike]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 109–127. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040066> EDN: HXMTIY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Pavel Kostogryzov | <http://orcid.org/0000-0002-9345-3900> | pkostogryzov@yandex.ru | Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (16 Sofia Kovalevskaya Str., Ekaterinburg, 620990, Russia)

Keywords

Latin America, community, community studies, political anthropology, anthropology of law

Abstract

Research on community institutions has long been an important area of anthropology. A great deal of literature is devoted, inter alia, to Latin American communities, both rural, including traditional indigenous communities, and those emerging in urbanized and semi-urbanized areas. The article provides a brief overview of the development of Latin American community studies, from their origins in the 1920s and 1930s to the present day. I characterize the current state of the study of community institutions in the region in international anthropology, highlighting several trends within Latin American community studies. In domestic Latin American studies, the topic of community institutions occupies a peripheral place. Soviet scholarship had certain achievements in developing it, but methodologically it was limited by a dogmatic version of Marxism. Over the past decade, Latin American community research in Russia has gained some momentum.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Gerda Henkel Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100001653> [grant no. AZ 04/KF/20]

References

- Adrián Ambía, A. 1989. *El Ayllu en el Perú actual: Con un estudio de las normas tradicionales de la comunidad campesina de Amaru, Calca, Cusco* [The Ayllu in Peru Today: With a Study of the Traditional Norms of the Rural Community of Amaru, Calca, Cusco]. Lima: PUKARA.
- Alaev, L.B. 2016. *Sel'skaia obshchina: roman, vstavlennyy v istoriiu* [Rural Community: A Novel Inserted into History]. Moscow: Lenand.
- Ardila Amaya, E., and A. Suárez Acero, eds. 2021. *Arauca: una escuela de justicia comunitaria para Colombia* [Arauca: A Community Justice School for Colombia]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Barié, C.G. 2008. Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos [Indigenous Law and Alternative Conflict Resolution Media]. *Urvio, Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana* 3: 110–118.
- Brandt, H.-J., and R. Franco, eds. 2006. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú*

- y Ecuador [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 1, *El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú* [The Treatment of Conflicts: A Study of Proceedings in 133 Indigenous and Peasant Communities in Ecuador and Peru]. Lima: IDL.
- Brandt, H.-J., and R. Franco, eds. 2007. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 2, *Normas, valores y procedimientos en la justicia comunitaria: Estudio cualitativo en comunidades indígenas y campesinas de Ecuador y Perú* [Norms, Values and Procedures in Community Justice: Qualitative Study in Indigenous and Peasant Communities of Ecuador and Peru]. Lima: IDL.
- Brandt, H.-J., ed. 2013. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 9, *Cambios en la justicia comunitaria y factores de influencia* [Changes in Community Justice and Influencing Factors]. Lima: IDL.
- Cámara Barbechano, F. 1996. *Organización religiosa y política en Mesoamérica* [Religious and Political Organization in Mesoamerica]. In *Introducción al sistema de cargos. Antología* [Introduction to the Cargos System: Antología], edited by L. Korsbaek, 69–98. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM.
- Castro-Herrera, F.S. 2016. *Justicia comunitaria en el desplazamiento forzado* [Community Justice in Forced Displacement]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Castro-Herrera, F.S., É. Ardila Amaya, and J. Jaramillo Marín, eds. 2017. *Huellas y trazos de la justicia comunitaria en Colombia* [Traces of Community Justice in Colombia]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Chicherin, B.N. 1856. *Obzor istoricheskogo razvitiia sel'skoi obshchiny v Rossii* [Review of the Historical Development of the Rural Community in Russia]. *Russkii vestnik* 3: 373–396; 4: 579–602.
- Clastres, P. 1974. *La Société contre l'État: Recherches d'anthropologie politique* [Society Against the State: Research in Political Anthropology]. Paris: Minuit.
- Crow, G. 2017. *What are Community Studies?* London: Bloomsbury Academic.
- Daza, A., and F. Hurtado. 2000. *Justicia comunitaria, entre las instituciones y las organizaciones* [Community Justice, between Institutions and Organizations]. *Pensamiento Jurídico* 12 (1), *Justicia comunitaria parte*: 23–42.
- de Sousa Santos, B., and A. Grijalva, eds. 2012. *Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Ecuador* [Indigenous Justice, Plurinationality and Interculturality in Ecuador]. Quito: Abya Yala.
- de Sousa Santos, B., and J.L. Exeni Rodríguez, eds. 2012. *Justicia Indígena, plurinacionalidad e interculturalidad en Bolivia* [Indigenous Justice, Plurinationality and Interculturality in Bolivia]. Quito: Abya Yala.
- Espinosa, N. 2003. *Entre la justicia guerrillera y la justicia campesina ¿Un nuevo modelo de justicia comunitaria?* La Macarena, Meta, estudio de caso [Between the Guerrilla Justice and the Peasants' Justice]. *Revista Colombiana de Sociología* 20: 117–145.
- Espinosa, N. 2010. *El justo comunitario, las leyes y la justicia en una región con fuerte presencia del conflicto armado. Etnografía del pluralismo jurídico en la Sierra de La Macarena* [The Communal Just: Laws and Justice in a Region with Strong Presence of Armed Conflict]. *Diálogos de Derecho y Política* 3: 1–26.
- Espinosa, N. 2015. *Las prácticas comunitarias de justicia local en la Sierra de la Macarena. El pluralismo jurídico de cara a la reconstrucción del país en el post conflicto colombiano* [Community Practices of Local Justice in Sierra de la Macarena]. *AGO.USB Medellín-Colombia* 15 (2): 495–513.

- Espinosa, N. 2016. La justicia guerrillera en Colombia. Elementos de análisis para los retos de la transición política en una zona de control insurgente [The Guerrilla Justice in Colombia: Elements of Analysis of the Political Transition Challenges in an Insurgency Controlled Zone]. *Estudios Latinoamericanos, Nueva Época* 37 (1): 87–112.
- Fernández Osco, M. 2009. El Ayllu y la Reconstitución del Pensamiento Aymara [Ayllu and the Reconstitution of Aymara Thought]. PhD diss. Duke University.
- Ferreira, F., and B.J. Isbell, eds. 2016. *A Return to the Village: Community Ethnographies and the Study of Andean Culture in Retrospective*. London: Institute of Latin American Studies; School of Advanced Study; University of London.
- Franco, R., and M. Gonzales, eds. 2009. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 3, *Las mujeres en la justicia comunitaria: víctimas, sujetos y actores* [Women in Community Justice: Victims, Subjects and Actors]. Lima: IDL.
- Fuentes Díaz, A., and D. Fini, eds. 2018. *Defender al pueblo. Autodefensas y Policías Comunitarias en México* [Defend the People: Self-Defense Forces and Community Police in Mexico]. México: Ediciones del Lirio.
- Fumerton, M.A. 2001. Rondas Campesinas in the Peruvian Civil War: Peasant Self-Defense Organizations in Ayacucho. *Bulletin of Latin American Research* 20 (4): 470–497. <https://doi.org/10.1111/1470-9856.00026>
- Gasparello, G. 2018. Conflicto, respuestas comunitarias a la violencia y formación de paz [Conflict, Community Responses to Violence and Peace Formation]. *Revista de Cultura de Paz* 2: 191–214.
- Geertz, C. 2003. *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Culture]. Moscow: ROSSPEN.
- Goncharova, T.V. 2000. Korennoe naselenie Peru vo vtoroi polovine XX veka [The Indigenous Population of Peru in the Second Half of the Twentieth Century]. In *Istoriia Peru s drevneishikh vremen do kontsa XX v.* [History of Peru from the Ancient Times till the Late 20th Century], edited by S.A. Sozina, 403–416. Moscow: Nauka.
- González de la Fuente, I., and H. Salas Quintanal. 2012. Community Projects in the Era of Globalization: The Case of a Local Rural Society in Mexico. *Anthropological Notebooks* 18 (1): 41–64.
- Kachorovskii, K.A.R. 1906. *Russkaia obshchina: vozmozhno li, zhelatel'no li ee sokhranenie i razvitie?* [Russian Community: Is It Possible, is It Desirable to Preserve and Develop?]. Moscow: Novoe tovarishchestvo.
- Kaufman, A.A. 1908. *Russkaia obshchina v protsesse ee zarozhdeniia i rosta* [Russian Community in the Process of Its Origin and Growth]. Moscow: Tipografiiia tovarishchestva I.D. Sytina.
- Korsbaek, L., ed. 1996. *Introduccion al sistema de cargos: Antologia* [Introduction to the Cargos System: Antologia]. Toluca: Facultad de Antropologia-UAEM.
- Korsbaek, L. 2011. El capitalismo periférico, el neoliberalismo y las Instituciones de defensa de la comunidad [The Peripheral Capitalism, the Neo-Liberalism and the Community Defense Institutions]. *Pacarina del Sur* 7.
- Kostogryzov, P.I. 2017. Konstitutsionalizatsiia iuridicheskogo pliuralizma v latinoamerikanskikh stranakh: sravnitel'nyi analiz natsional'nykh modelei [Constitutionalization of Legal Pluralism in Latin American Countries]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* 11: 73–76.
- Kostogryzov, P.I. 2018. *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoi Ameriki* [Community Justice in Latin American Countries]. Moscow: Yurlitinform.
- Kostogryzov, P.I. 2019. Obshchinnoe pravo [Community Law]. *Antinomii* 19 (2): 67–86. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.6786>

- Kostogryzov, P.I. 2019. Obshchinnoe pravosudie [Community Justice]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniï (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 3 (25): 94–103. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-94-103>
- Kowalewski, S.A. 2003. What is the Community? The Long View from Oaxaca, Mexico. *Social Evolution & History* 2 (1): 4–24.
- Lizárraga Aranibar, P., and C. Vacafleres Rivero. 2014. La descolonización del territorio: luchas y resistencias campesinas e indígenas en Bolivia [The Decolonization of the Territory: Peasant and Indigenous Struggles and Resistance in Bolivia]. In *Capitalismo: tierra y poder en America Latina (1982–2012)* [Capitalism: Land and Power in Latin America (1982–2012)], edited by G. Almeyra, et al., II: 17–64. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana.
- Llano Franco, J.V., et al. 2019. *Pos-acuerdo y territorio en las comunidades indígenas, afro y campesinas en el Norte del Cauca* [Post-Agreement and Territory in Indigenous, Afro and Peasant Communities in the North of Cauca]. Bogotá: Grupo Editorial Ibáñez.
- Lynd, R., and H. Lynd. 1929. *Middletown: A Study in American Culture*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Lynd, R., and H. Lynd. 1937. *Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Mandujano Estrada, M. 2014. La primavera P'urhépecha; resistencia y Buen Gobierno en Cherán K'eri [The P'urhépecha Spring; Resistance and Good Government in Cherán K'eri]. *Bajo Palabra. Revista de Filosofía II Época* 9:103–112.
- Mariategui, J.C. 1963. *Sem' ocherkov istolkovaniia peruanskoï deïstvitel'nosti* [Seven Essays on the Interpretation of Peruvian Reality]. Moscow: Inostrannaia literatura.
- Matusovskii, A.A. 2019. Posledniaia maloka: transformatsiia sotsiokul'turnoi roli obshchinnogo zhilishcha u peruanskikh matses [The Last Maloka: Transformation of the Socio-Cultural Role of the Communal Dwelling in the Peruvian Maces]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 151–168. <https://doi.org/10.31857/S086954150007384-2>
- Murdock, G.P. 1949. *Social Structure*. New York: The MacMillan Company.
- Ordoñez Cifuentes, J.E.R. 2008. Restitución de la armonía cósmica. Propuesta jurídica de los pueblos originarios de Abya Yala [Restitution of Cosmic Harmony: Legal Proposal of the Original Peoples of Abya Yala]. *Quid Iuris* 8: 56–114.
- Ornelas Tavares, G.E., and A.E. Soldatova. 2015. Avtokhtonnye pueblo doliny Mekhiko: osnovnye podkhody k antropologicheskomu izucheniiu [The Autochthonous Pueblos of the Mexico Valley: Basic Approaches to Anthropological Studies]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 4: 47–63.
- Palomino Flores, S. 1984. *El sistema de oposiciones en la comunidad de Sarhua: La complementaridad de los opuestos en la cultura andina* [The Opposition System in the Sarhua Community: The Complementarity of Opposites in the Andean Culture]. Lima: Pueblo Indio.
- Pavlov-Silvanskii, N.P. 1910. Sochineniia: V 3 t. [Collected Works, 3 vols.]. Vol. 3, *Feodalizm v udel'noi Rusi* [Feudalism in Appanage Russia]. St. Petersburg: tipografiia M.M. Stasiulevicha.
- Quijano, A. 1997. Colonialidad del poder, cultura y conocimiento en América Latina [Coloniality of Power, Culture and Knowledge in Latin America]. *Anuario Mariateguiano* IX (9): 113–122.
- Redfield, R. 1960. *The Little Community*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rudqvist, A., and R. Anrup. 2013. Resistencia comunitaria en Colombia. Los cabildos caucanos y su guardia indígena [Community Resistance in Colombia:

- The Cabildos of Cauca and Their Indigenous Guard]. *Papeles Políticos* 18 (2): 515–548.
- Salvador Rios, G. 1983. *Estructura y cambio de la Comunidad Campesina: La Comunidad de Huascoy* [Structure and Change of the Peasant Community: The Community of Huascoy]. Lima: CEDEP.
- Samarkina, I.K. 1974. *Obshchina v Peru. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia* [Community in Peru: Essay on Socio-Economic Development]. Moscow: Nauka.
- Sandoval Forero, E.A. 2008. *La Guardia Indigena Nasa y el Arte de la Resistencia Pacifica* [The Nasa Indigenous Guard and the Art of Peaceful Resistance]. Bogotá: Fundacion Hemera.
- Shemiakin, Y.G. 2019. Obshchinnaia iustitsiia kak proiavlenie tsivilizatsionnoi identichnosti Latinskoï Ameriki [Community Justice as a Manifestation of the Civilizational Identity of Latin America]. *Latinskaia Amerika* 2: 94–106. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003715-5>
- Starn, O. 1999. *Nightwatch: The Politics of Protest in the Andes*. Durham: Duke University Press.
- Tax, S. 1996. Los municipios del Altiplano mesooccidental de Guatemala [The Municipalities of the Midwestern Highlands of Guatemala]. In *Introduccion al sistema de cargos: Antologia* [Introduction to the Cargos System: Antologia], edited by L. Korsbaek, 54–68. Toluca: Facultad de Antropología-UAEM.
- Vintimilla Saldaña, J., M. Almeida Mariño, and R. Saldaña Abad. 2007. *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador* [Community Justice in the Andes: Peru and Ecuador]. Vol. 4, *Derecho indigena, conflicto y justicia comunitaria en comunidades kichwas del Ecuador* [Indigenous Law, Conflict and Community Justice in Kichwa Communities of Ecuador]. Lima: IDL.
- Wolf, E.R. 1957. The Closed Corporate Peasant Communities in Mesoamerica and Central Java. *Southwestern Journal of Anthropology* 13 (1): 1–18.
- Wolkmer, A. 1991. Pluralismo jurídico, movimientos sociales y prácticas alternativas [Legal Pluralism, Social Movements and Alternative Practices]. *El Otro Derecho* 7: 29–46.
- Yrigoyen Fajardo, R. 2002. Hacia un reconocimiento pleno de las rondas campesinas y el pluralismo legal [Towards a Full Recognition of the Peasant Rondas and Legal Pluralism]. *Alpanchis* 34 (59–60): 31–81. *Justicia Comunitaria en los Andes* 1.